

Я.П. Фокин

Эволюция репрезентации Токийского трибунала в исторических нарративах правоконсервативных негосударственных организаций Японии

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям эволюции памяти о Токийском трибунале в исторических нарративах, отстаиваемых японскими правоконсервативными негосударственными организациями, а также влиянию, которое они оказывали на историческую память в стране. Среди организаций рассматриваются Ассоциация синтоистских храмов, Японская ассоциация семей погибших на войне, Ассоциация памяти о героях войны, Общество создания нового учебника истории, Японская конференция. В качестве теоретической рамки исследования используется подход О. Ю. Малиновой, рассматривающий политику памяти как вариацию символической политики, борьбу различных акторов за доминирование их исторических нарративов в публичном пространстве.

Исследование прослеживает эволюцию восприятия Токийского трибунала в рамках трех периодов: 1945—1960 гг., 1960—1985 гг. и 1985 г. — н.в. В первый период правоконсервативные организации избегали прямой критики Токийского процесса, одновременно выстраивая политику памяти, имплицитно противоречащую основам общественного порядка, установленного трибуналом и оккупационными реформами. Деятельность данных групп, в первую очередь синтоистских объединений и ассоциаций семей ветеранов и погибших на войне, была направлена на достижение определенных «специальных интересов»: восстановление государственного финансирования и повышение собственного общественного статуса.

Во второй период критика трибунала стала носить более откровенный характер. Вследствие необходимости утвердить собственные идеологические и исторические представления среди молодого поколения, а также на фоне роста национальной гордости, связанного с экономическими успехами, правоконсервативные силы консолидировали усилия вокруг продвижения культа *эйрэй* — погибших героев войны, который был ритуализирован в храме Ясукуни. В этот же период в данном святилище происходит канонизация 14 лиц, признанных Токийским трибуналом военными преступниками класса «А».

Третий период характеризуется открытым выражением ревизионистских суждений, критикой «взгляда на историю с позиции Токийского трибунала». Появляются новые влиятельные правые организации, продвигающие реформирование школьных учебников и образовательных стандартов в «патриотическом духе». В последние десятилетия набрала силу новая тенденция: на фоне заката некогда могущественной Ассоциации семей погибших на войне, связанного со старением ее членов, фокус правоконсервативных организаций постепенно смещается на борьбу за пересмотр антивоенных статей Конституции, а проблематика Токийского трибунала отходит на второй план.

Ключевые слова: политика памяти, Япония, Вторая мировая война, негосударственные организации, Дзиндзя хонтё, Идзокукай, Цукурукай, Ниппон кайги.

Автор: Фокин Ярослав Павлович, аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва 125009, ул. Моховая, 11, стр. 1); научный сотрудник МГИМО-Университет МИД России (Москва 119454, просп. Вернадского, 76). E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фокин Я.П. Эволюция репрезентации Токийского трибунала в исторических нарративах правоконсервативных негосударственных организаций Японии // Японские исследования. 2025. № 3. С. 85—105.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-85-105.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»).

I.P. Fokin

Evolution of the Tokyo Tribunal's representation in the historical narratives of right-wing conservative non-state organizations in Japan

Abstract. The article focuses on examining the evolution of the memory of the Tokyo Tribunal in historical narratives championed by conservative non-governmental organizations in Japan and the impact these organizations had on historical memory in the country. Among the organizations examined are the Association of Shinto Shrines, the Japan Association of War-Bereaved Families, the Association to Answer the Departed War Heroes, the Society for History Textbook Reform, and the Japan Conference. As a theoretical framework, the research applies the approach of O. Malinova, who considers the politics of memory as a variation of symbolic politics, a struggle between various actors for the dominance of their historical narratives in the public sphere. The study traces the evolution of perceptions of the Tokyo Tribunal within three periods: 1945—1960, 1960—1985, and 1985—present. In the early stages, right-wing conservative organizations avoided direct criticism of the Tokyo Trials, while developing a policy of remembrance that implicitly contradicted the foundations of the order established by the tribunal and the occupation reforms. The efforts of these groups, primarily Shinto associations and veterans' and war-bereaved families' associations, were aimed at achieving certain “special interests”: restoring state funding and raising their social status.

In the second period, criticism of the tribunal became more overt. Due to the need to establish their ideological and historical views among the younger generation, and amidst growing national pride due to economic success, right-wing conservatives consolidated around propelling the cult of fallen war heroes (*irei*), which was ritualized at the Yasukuni Shrine. During the same period, 14 individuals recognized by the Tokyo Tribunal as Class A war criminals were enshrined there.

The third period is characterized by the open expression of revisionist views, criticism of the “Tokyo Tribunal's view of history.” New influential right-wing organizations emerged, promoting the reform of school textbooks and educational standards along “patriotic lines.” In recent decades, a new trend has gained momentum: against the backdrop of the decline of the once powerful Association of War-Bereaved Families, owing to the ageing of its members, the efforts of right-wing conservative organizations are increasingly focused on the revision of anti-war articles in the Constitution, while the issues of the Tokyo Tribunal are taking a back seat.

Keywords: politics of memory, Japan, Second World War, non-state organizations, *Jinja Honchō*, *Izokukai*, *Tsukurukai*, *Nippon Kaigi*.

Author: Fokin Iaroslav P., PhD student in the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (11/1, Mokhovaya Street, Moscow, 125009, Russian Federation); researcher in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation).
E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Fokin, I.P. (2025). Evolyutsiya reprezentatsii Tokiiskogo tribunala v istoricheskikh narrativakh pravokonservativnykh negosudarstvennykh organizatsii Yaponii [Evolution of the Tokyo Tribunal's representation in the historical narratives of right-wing conservative non-state organizations in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 85—105. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-85-105.

Acknowledgements. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant № 23-18-00109 “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”.

Введение

Вопросы исторической памяти в контексте внутренней и внешней политики Японии обладают непреходящей актуальностью. На внутривнутриполитической арене правительство правящей партии уже продолжительное время стремится к утверждению консервативных нарративов о прошлом. В то же время важным фактором в отношениях Токио с соседними государствами являются проблемы исторических обид, связанные с агрессивной политикой Японии в первой половине XX в., а также особенностями ее восприятия внутри страны. Ключевым противоречием является вопрос исторической ответственности Японии, в центре которого стоят различные оценки Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ, Токийский трибунал) и его наследия.

Важную роль в процессе формирования и трансформации исторической памяти внутри Японии играют различные негосударственные организации. Большая часть японских негосударственных организаций фактически функционируют в качестве «групп давления» (*ацурёку дантай*). Деятельность данных групп направлена на продвижение «специальных интересов» в политической сфере: они осуществляют лоббирование в бюрократических структурах, поддерживают или выступают против кандидатов на выборах, а также организуют широкие общественные компании [Rempel 1989, p. 27—28]. Если говорить о деятельности групп давления в области политики памяти, определенные интерпретации прошлого выступают для них в качестве объекта специального интереса, который может быть связан с материальными, статусными или иными целями [Seraphim 2006, p. 8].

В свете консервативного поворота в исторической политике японского правительства особую актуальность имеет исследование нарративов, продвигаемых правоконсервативными негосударственными организациями в сфере памяти об

историческом прошлом, а также анализ их трансформации в течение послевоенного периода. Целью настоящего исследования является выявление особенностей эволюции памяти о Токийском трибунале в исторических нарративах, отстаиваемых правоконсервативными негосударственными организациями Японии, а также изучение влияния, которое данные организации оказывают на историческую память в стране. В настоящей работе будут рассмотрены такие организации, как Ассоциация синтоистских храмов (*Дзиндзя хонтё*), Японская ассоциация семей погибших на войне (*Ниппон идзокукай*, далее *Идзокукай*), Ассоциация памяти о героях войны (*Эйрэй ни котаэру кай*), Общество создания нового учебника истории (*Атарасий рэжиси кёкасё о цукуру кай*), Японская конференция (*Ниппон кайги*). Отбор объектов исследования осуществлялся на основании их политического влияния на каждом из этапов послевоенной истории Японии.

В качестве теоретической рамки исследования в настоящей работе выбран подход О.Ю. Малиновой, который рассматривает политику памяти как вид символической политики. Последнюю автор определяет как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова 2018, с. 30]. Важной для настоящего исследования особенностью данной модели выступает тот факт, что она не ограничивает круг субъектов политики памяти элитой и государственными органами, но включает в анализ субъекты гражданского общества и негосударственные организации, также имеющие значительные возможности для производства и продвижения альтернативных исторических нарративов [Малинова 2018, с. 30]. Исторический нарратив (нарратив о прошлом) определяется как «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий» [Малинова 2018, с. 37].

Политика памяти с 1945 по 1960 г.: основание *Дзиндзя хонтё* и *Ниппон идзокукай*

Двумя наиболее влиятельными правоконсервативными негосударственными организациями, участвовавшими в политике памяти в период первых послевоенных десятилетий, являются Ассоциация синтоистских храмов и Японская ассоциация семей погибших на войне. Обе организации объединял ряд особенностей. Они уходят своими корнями в довоенный и военный периоды, когда были прочно связаны с милитаристской политикой японского правительства. После поражения в войне вследствие усилий оккупационных властей по ликвидации учреждений, признанных милитаристскими, обе организации были вынуждены адаптироваться к новому институциональному ландшафту, чтобы иметь возможность отстаивать свои интересы. Проводимая данными организациями политика памяти была продуктом их послевоенного положения и вытекающих из него потребностей.

Ассоциация синтоистских храмов сформировалась в ответ на проведение оккупационной администрацией политики отделения синтоизма, рассматривавше-

гося как движущая сила милитаризма, от государства, которая выразилась в закрытии управлений государственного синтоизма, лишении синтоистских лидеров официальных должностей, запрете на публичное поклонение императору как божеству. Будучи, однако, народной религией, синто пользовался защитой директивы Д. Макартура от 4 октября 1945 г., декларирующей свободу вероисповедания как одного из основных прав гражданина [Glossary, web]. Ассоциация была основана в феврале 1946 г. в качестве частной религиозной организации посредством слияния трех связанных со святилищами учреждений — *Котэн ко-кюсё*, *Дайнихон дзингикай* и *Дзингу хосайкай* [Jinja Honchō, web]. Новый статус позволил войти в состав организации высокопоставленным синтоистским лидерам, ранее подвергшимся преследованию за связь с милитаристами, в числе которых были и основатели Ассоциации Ёсида Сигэру¹ и Миядзи Наокадзу [Seraphim 2006, p. 43].

По соглашению с представителями оккупационных сил Ассоциация должна была стать негосударственным учреждением, нацеленным на развитие сотрудничества между синтоистскими храмами и общинами. Постепенно, однако, организация сосредотачивала деятельность на стремлении вернуть синто его довоенное место в качестве столпа общественной жизни. Ассоциация отстаивала «исконную» миссию синтоизма по воспитанию уникального «духа» японского народа, обеспечивающего национальное единство через ритуалы (сама вера заявлялась как личное дело человека) и необходимого для восстановления страны из руин, в противоположность «привнесенным извне» американским ценностям [Seraphim 2006, p. 48].

Дополнительную поддержку синтоистам оказало решение оккупационной администрации сохранить императорскую систему и освободить от ответственности императора. Хотя Хирохито пришлось издать Декларацию о человеческом происхождении (*нингэн-сэнгэн*)², император оставался центральной фигурой для синтоизма. Несмотря на тот факт, что Ассоциация негативно оценивала «неправомерное присвоение» синтоизма бюрократией для достижения милитаристских целей во время войны, ключевой идеей для нее в сфере исторической памяти стал принцип преемственности между довоенной и послевоенной Японией, в центре которой находился духовный союз императора и японского народа [Teeuwen 1996, p. 186].

Необходимо отметить, что изначально организация старательно избегала прямой критики Токийского процесса. При освещении финального вердикта трибунала основной печатный орган Ассоциации газета *Дзиндзя синпо*: ограничилась перепечатками заметок других газет и следующей характеристикой принятия вердикта японцами: «тихая покорность перед абстрактной силой закона» [Seraphim 2006, p. 51]. В целом номера данной газеты отличались серьезной самоцензурой, в особенности в годы оккупации. Хотя Ассоциация включала ряд крайне правых членов, в том числе Иноуэ Такамаро и Асидзу Удзухико, имевших

¹ Не имеет отношения к полному тезке — премьер-министру Японии Ёсида Сигэру.

² Divinity of the Emperor // BBC. URL: https://www.bbc.co.uk/religion/religions/shinto/history/emperor_1.shtml (дата обращения: 16.05.2025).

откровенно ревизионистские позиции, их взгляды не находили отражения в официальной печати организации, распространяясь через подпольные тиражи для внутреннего пользования. Самоцензура продолжилась и после окончания оккупации как часть сделки с правительством, опасавшимся негативной огласки как внутри страны, так и в Вашингтоне, в обмен на неформальную государственную поддержку [Seraphim 2006, p. 52—53].

Тем не менее, поскольку оккупационные реформы ограничили центральный статус синтоизма, фактически Ассоциация выступала за их ревизию. Так, организация использовала широкие связи своих лидеров в японском истеблишменте, сохранившееся с военных времен, чтобы отстаивать необходимость восстановления довоенных синтоистских праздников, в первую очередь, Дня основания империи (*Кигэнсэцу*). Наиболее эффективными же в этот период оказались лоббистские усилия, направленные на придание официального статуса ритуалам поминовения погибших на войне, в том числе в храме Ясукуни, не входившего, однако, в структуру организации. В 1951 г. Ассоциация добилась разрешения официальным лицам префектур посещать церемонии поминовения. Также была формально прописана процедура зачисления имен в храмовые списки (канонизация) на ежегодных осенних и весенних фестивалях, включавшая подношение «цветов и благовоний». В 1952 г. не в последнюю очередь стараниями Ассоциации состоялся первый с конца войны визит императора в храм Ясукуни [Creemers 1968, p. 83—84].

Организация также отстаивала необходимость конституционной реформы: она выражала недовольство ограниченным статусом императора, отсутствием упоминания синто, 9-й статьей. Однако корневым объектом критики стал весь феномен оккупационной политики, так как последняя привела к навязыванию извне решений, «чуждых японскому духу», и потере «духовной независимости» [Seraphim 2006, p. 51, 57]. Консервативные позиции выражались также в вопросах оценки прошедшей войны: Ассоциация утверждала, что хотя японская политика «привела к страданиям» азиатских народов, она проводилась с благами намерениями [Seraphim 2006, p. 59]. Наихудшим же последствием войны она считала даже не столько само поражение, сколько духовное наследие оккупации.

История учреждения Ассоциации семей погибших на войне перекликается с историей создания *Дзиндзя хонтё*. В довоенное и в особенности военное время семьи японских солдат, погибших на войне (*идзоку*), составляли привилегированную группу. Помимо выплаты значительной официальной пенсии, которая нередко становилась основным источником дохода для семей, они пользовались высоким статусом в рамках государственной идеологии, выражавшейся среди прочего в процедуре возведения «духов павших солдат в ранг божеств» в храме Ясукуни и его ответвлениях (*гококу дзиндзя*) [Dian 2017, p. 42]. После окончания войны решения оккупационных властей существенно подорвали положение этой группы: 1 февраля 1946 г. правительство отменило пенсионное обеспечение семей погибших солдат, а в рамках директивы от 15 декабря 1945 г. было упразднено государственное ведомство, которое организовывало публичные синтоистские церемонии, посвященные погибшим героям войны [Tanaka 1995, p. 83—84]. Храм Ясукуни, как и другие государственные храмы *гококу дзиндзя*, был изъят

из-под государственной юрисдикции, образовав частную религиозную организацию. Поскольку поступление информации о погибших солдатах, направлявшейся ранее соответствующими ведомствами, прекратилось, церемонии были приостановлены.

Решение об отмене пенсионного обеспечения привело к самоорганизации семей погибших солдат, в основном на местном уровне, для взаимопомощи и лоббирования государственных мер социальной поддержки. Самоорганизация шла по двум конкурирующим направлениям: ассоциации ветеранов и семей *идзоку*, деятельность которых направлялась потерявшими сыновей отцами, и группы солдатских вдов, нередко формировавшиеся в рамках женского движения. Хотя позиции вдов отличались в зависимости от статуса их мужей и обстоятельств их отправки на фронт, они часто отстаивали представление о погибших как о невинных жертвах войны, отличное от того, что продвигалось группами *идзоку*, которые проповедовали идею героизации гибели на войне [Kitagawa 2000, p. 144—147]. В ответ на рост самоорганизации конкурирующих движений в ноябре 1947 г. усилиями главы храма Ясукуни Отани Фудзиносукэ была основана Японская лига за благосостояние семей погибших на войне (далее Лига), нацеленная на «восстановление чести» и «прославление погибших героев войны» и их родственников [Tanaka 1995, p. 41—45]. Первым председателем был избран бывший член палаты пэров и глава группы семей *идзоку* из Фукуоки Нагасима Гиндзо.

Одновременно из соображений расширения поддержки, а также под давлением штаба оккупационных сил группы *идзоку* и Лига стали активно привлекать в свои ряды солдатских вдов, создавая специальные «женские отделения» (*фудзинбу*) [Kitagawa 2000, p. 182—183]. В обмен на поддержку со стороны последних, Лига, имевшая широкие связи в политической элите, взяла на себя заботы по лоббированию мер социального обеспечения. Вскоре забота о женах погибших военных и их детях стали важной частью деятельности организации. Лоббистские усилия под флагом их «особых нужд» оказались крайне эффективными, а ранее независимые группы солдатских вдов были успешно инкорпорированы в *идзоку* [Kitagawa 2000, p. 182—183].

Крайне быстро Лига превратилась во влиятельную группу давления. Хотя оккупационная администрация поставила условием функционирования организации запрет на занятие ее членами официальных должностей, вскоре этот запрет был преодолен: в 1950 г. Нагасима одержал уверенную победу на парламентских выборах. С этого момента организация постоянно имела представительство в парламенте, смогла наладить тесные отношения с рядом высокопоставленных функционеров правящей ЛДП, которым обеспечивала стабильные голоса на выборах, а также чиновниками из министерства здравоохранения и социального обеспечения [Tanaka 1995, p. 194—204].

На начальных этапах организация сконцентрировала усилия на лоббировании возобновления пенсионных выплат для ветеранов и семей погибших солдат, поддержке мер по обеспечению постоянного трудоустройства для вдов и получению образования их детьми. Важнейшим достижением стало принятие в апреле 1952 г. Закона о поддержке солдат, получивших ранения, и семей погибших на войне, предусматривающего единоразовую компенсацию, а также ежегодные

выплаты. Его продвижение сопровождалось широким комплексом мер, проводившихся Лигой — от политического лоббирования в парламенте до общественных кампаний и протестов перед резиденцией премьер-министра [Nihon izokukai 1962, p. 135]. В 1953 г. был принят Закон о военных пенсиях, восстанавливавший содержание ветеранов и семей погибших солдат. В 1955 г. действие данного закона было распространено на семьи лиц, осужденных военными трибуналами; среди прочего данный фактор стал основанием для занесения их имен в храмовые списки Ясукуни. В целом усилиями Лиги, а позднее — ее приемника, организации *Идзокукай*, до конца XX в. законы 1952 и 1953 г. неоднократно расширялись и пересматривались [Seraphim 2006, p. 79].

В 1953 г. Лига была переучреждена в качестве фонда со статусом юридического лица (*дзайдан ходзин*) и получила наименование Японской ассоциации семей погибших на войне. Ключевой целью организации, помимо поддержки благосостояния семей *идзоку*, теперь открыто декларировалось «прославление духов погибших героев войны» (*эйрэй но кэнсё*), под которым подразумевалось «причисление к сонму божеств, покоящихся в храме Ясукуни, и осуществление в нем государственных мемориальных служб» [Tanaka 1995, p. 63—64]. Инкорпорирование групп солдатских вдов в Лигу логически привело к консенсусу о необходимости восстановления героического образа ушедших военных. Организация, таким образом, стала все активнее требовать восстановления государственного культа погибших солдат и запустила кампании за возвращение храма Ясукуни под управление государства.

Данное направление деятельности подразумевало особенную интерпретацию событий войны, на продвижении которой сосредоточилась *Идзокукай*. В рассматриваемый период организация, аналогично Ассоциации синтоистских храмов, избегала прямой критики Токийского трибунала, не стремилась опровергнуть факты совершения военных преступлений или интерпретацию прошедшей войны как агрессии. Тем не менее, обе организации предлагали прославлять патриотизм японских военных, которые в «тяжелых условиях жертвовали собой ради мира и безопасности своей родины», и утверждали, что в основе патриотического чувства японцев должна быть «благодарность их героизму» [Seraphim 2006, p. 83]. Данная интерпретация выносила вопросы ответственности за войну и преступления «за скобки»: в публикациях «Нихон Идзоку Цу:син», главного печатного органа *Идзокукай*, отмечалось, что ответственность за поддержку политиков, втянувших Японию в войну, бывшие военные и их семьи несут не в большей степени, чем остальные японцы [Seraphim 2006, p. 77]. В то же время абстрактное участие в военных действиях от имени нации рассматривалось как нечто достойное восхваления. Однако в силу определенной искусственности такого разделения постепенно открывалась дорога для переоценки в будущем в позитивном ключе и самих военных действий.

Таким образом, в первый рассматриваемый период Ассоциация синтоистских храмов и Японская ассоциация семей погибших на войне, с одной стороны, воздерживались от прямой критики Токийского трибунала, с другой — выстраивали политику памяти, косвенно отрицающую важные постулаты общественного порядка, установленного Токийским процессом и реформами оккупационного

периода, которые воспринимались в общественном сознании японцев как нечто неотделимое от трибунала. Данная политика памяти, в свою очередь, была во многом основана на определенных «специальных интересах», которые имели как материальное измерение, выражаясь в усилиях по восстановлению государственного финансирования, так и духовное — стремление повысить собственный общественный статус.

Политика памяти с 1960 по 1985 г.:

борьба за межпоколенческий транзит памяти и культ *эйрэй*

Данный период характеризуется серьезными изменениями в японской политике памяти. Японская ассоциация семей погибших на войне и Ассоциация синтоистских храмов столкнулись в серьезными вызовами, которые имели демографическую природу. К концу 1950-х гг. в активную общественную жизнь вступило поколение, заставшее войну в детском возрасте и не имевшее о ней устойчивых воспоминаний. Если ранее активные члены организаций были объединены так называемой коммуникативной памятью — общей поколенческой памятью о своем положении в военное и довоенное время, определявшей устойчивый набор коммеморативных символов [Ассман 2004, с. 51] (таких, как культ погибших героев войны в храме Ясукуни или император как духовная основа нации), то теперь с особой остротой встал вопрос о транзите памяти.

Наиболее показательным примером в связи с этим была ситуация в *Идзокукай*. Кризис в организации возник на фоне развернувшейся в обществе борьбы вокруг подписания договора по безопасности с США 1960 г., спровоцировавшего масштабные протесты. Хотя сама ассоциация не спешила занимать позицию по вопросу о договоре, протестные настроения затронули ее молодежное крыло, состоявшее из солдатских сирот. Молодежь стремилась независимо переосмыслить понятия «патриотизма» и «мира». В 1959 г. больше сотни активистов собрались на конвент, итогом которого стало открытое письмо вице-председателю ассоциации Аидзава Хироси. В нем молодые люди заявляли, что целью их группы должен быть мир, в связи с чем необходимо переформулировать понятие патриотизма, так как «современный патриотизм — это не патриотизм “Великой японской империи”» [Seraphim 2006, p. 180].

Данные тенденции привели руководство *Идзокукай* к пониманию необходимости тщательнее артикулировать идеолого-историческое основание организации — культ погибших героев войны, — и принимать меры к его утверждению. Важным направлением деятельности созданной в 1960 г. Молодежной секции организации стал поиск останков погибших солдат на Окинаве и проведение коммеморативных мероприятий для создания эмоциональной связи между нынешним поколением и поколением павших воинов. Активную роль в выстраивании идеологии *Идзокукай* сыграл Кая Окинори, председатель организации в 1962—1977 гг. В 1962 г. организацией в просветительских целях была выпущена пятнадцатилетняя история *Идзокукай* и сборник личных воспоминаний ее членов о военном и послевоенном времени под заголовком «Фундамент» (*исидзуэ*).

Лейтмотивом последнего была нерушимая связь между погибшими на войне, их семьями и их потомками, которых объединяли узы самопожертвования и благодарности за эту жертву. Акценты делались на описании «трудностей, выпавших на долю семей», их «верности стране и погибшим героям войны», а также их «социальному и эмоциональному возрождению» [Nihon izokukai 1963]. Руководство организации также официально определило «патриотизм» как индивидуальное самопожертвование ради безопасности и мира в стране, сопровождающееся ответной благодарностью народа, выраженной в «этике почитания погибших героев войны» через ритуалы [Nihon izokukai 1962, p. 207—209].

Другой важной характеристикой рассматриваемого периода стал общий рост национальной гордости японцев, связанный с экономическими успехами страны. Важный символический рубеж ознаменовала летняя Олимпиада в Токио 1964 г. Демонстрируя достижения страны, она была призвана подвести черту под периодом послевоенных трудностей [Igarashi 2000, p. 145]. Исследователи относят к этому периоду рост правых настроений в интеллектуальной среде, примером чего служат работы Хаяси Фусао, ставшие частью разразившихся дебатов о национальной и исторической идентичности [Barshay 1998, p. 329—337]. Значимую роль в дискуссии сыграло государство: в официальном дискурсе реставрация Мэйдзи, открывшая стране путь к модернизации, все больше представлялась как ключевое событие японской истории. Политику государства активно поддерживала Ассоциация синтоистских храмов, пропагандировавшая идею общественной значимости императорских институтов и ритуалов и отстаивавшая их историческую преемственность. Значимым событием стало восстановление в 1967 г. праздника *кигэнсэцу* в качестве Дня основания государства (*кэнкоку кинэн но хи*). В следующем году правительство профинансировало пышные празднования по случаю столетия реставрации Мэйдзи, одну из центральных ролей в которых сыграли синтоистские ритуалы.

Важной чертой политики памяти данного периода стала активная координация действий между влиятельными консервативными группами, в первую очередь Ассоциацией синтоистских храмов и *Идзокукай*, в поддержку требования передачи храма Ясукуни под управление государства. Данная мера была призвана вернуть храму статус символа и официального места коммеморации погибших военных, упраздненный оккупационной администрацией, а также обеспечить ему государственное финансирование. Объединение усилий было обусловлено совпадением интересов организаций: для синтоистов храм Ясукуни ассоциировался с ритуалом, важнейшим для довоенной и военной эпохи и олицетворявшем историческую преемственность, а для *Идзокукай* он был прямым выражением культа погибших героев войны.

Одним из активных проводников данной кампании стал упомянутый председатель Ассоциации *идзоку* Кая Окинори. Под его патронажем в июне 1969 г. в парламент был внесен «законопроект о храме Ясукуни», который был объектом лоббирования еще с 1956 г. Законопроект определял назначение храма как место «проведения ритуалов и церемоний» «в знак почтения душ погибших на войне», отмечая «нерелигиозный характер» святилища (последнее положение было попыткой вписать закон в конституционные рамки) [Hardacre 1989, p. 146]. Проект

предполагал восстановление государственного финансирования, а также публичное участие официальных лиц, императора и военных в коммеморативных ритуалах [Powles 1976, p. 491]. Инициатива вызвала, однако, широкие протесты со стороны левых, христианских и ряда буддистских организаций, которые увидели в ней попытку восстановить государственный синтоизм. Оппозиция собрала более 3 млн подписей против законопроекта. В результате с 1969 по 1974 г. пять попыток принять его закончились неудачей [Hardacre 1989, p. 147]. Тем не менее, инициатива послужила основой для формирования альянса правых групп вокруг культа «духов героев» (*эйрэй*). Так, в 1976 г. была основана Ассоциация памяти о героях войны (*Эйрэй ни котазэру кай*), в состав которой, помимо Ассоциации синтоистских храмов и *Идзокукай*, вошли ряд синтоистских и буддистских организаций, ряд ассоциаций ветеранов, а также образовательные группы. Ее целью была мобилизация и манифестация общественной поддержки культа героев войны в масштабах всей страны.

Кроме того, взамен инициативы по государственному управлению Ясукуни к середине 1970-х гг. Ассоциацией синтоистских храмов и *Идзокукай* было выработано негласное соглашение с ЛДП, согласно которому по случаю 15 августа премьер-министры должны посещать храм Ясукуни — до этого визиты первых лиц приходились на весенние и осенние церемонии. Более того в результате соглашения между служителями Ясукуни, *Идзокукай* и Министерством здравоохранения и социального обеспечения на осенней церемонии 1978 г. в тайном порядке были канонизированы 14 лиц, признанных Токийским трибуналом военными преступниками класса «А» [Seraphim 2006, p. 244—245]. Хотя само по себе включение военных преступников класса «А» в храмовые списки Ясукуни не означало официального отрицания итогов Токийского трибунала, оно стало важным шагом на пути к открытому отрицанию итогов процесса консервативными группами. Так, в редакторской колонке *Дзиндзя симпо*: по этому поводу отмечалось, что отказ от канонизации осужденных означал бы «согласие с односторонним вердиктом Токийского трибунала, вынесенного руками иностранцев» [Seraphim 2006].

В этот же период наблюдается рост популярности среди консерваторов фигуры Радхабинода Пала, судьи Токийского трибунала от Индии, который выступил на Токийском трибунале против признания подсудимых виновными, согласившись с большинством аргументов стороны защиты, а также поставил под сомнение легитимность самого трибунала по причине ретроспективного применения категорий «преступлений против мира» и «преступлений против человечности» для обвинения военных преступников. Более того, Пал в некотором роде оправдал военную экспансию Японии в Китай, отметив, что в тот период последний представлял собой государство, «безнадежно погрязшее в анархии» [Nakazato 2016, p. 41].

В 1964 г. Кая Окинори, занимавший параллельно должности председателя *Идзокукай* и министра юстиции в кабинете Икэда Хаято, а ранее признанный Токийским трибуналом преступником класса «А», но освобожденный после окончания оккупации, издал постановление о создании рабочей группы, призванной оценить соответствие Устава МВТДВ нормам международного права,

а также квалификацию его судей. Он также предложил привлечь адвоката Х. Тодзё на процессе Киёсэ Итиро для формирования состава группы и выработки методов исследования [Nakazato 2016, p. 138]. Одним из результатов работы группы, проводившейся до 1974 г., стала публикация документа под названием «Совместное исследование судебного решения Р. Пала». В документе высоко оценивалось особое мнение индийского судьи и содержалась острая критика трибунала. Вступительное эссе профессора Киотского университета Таока Рёити начиналось с тезиса о том, что особое мнение Пала представляет собой «“книгу истины”, которая навсегда останется в истории человечества» [Tōkyō saiban kenkyūkai 1984, vol. 1, p. 3]. В тот же период, в 1966 г., состоялся визит самого Р. Пала в Японию, организованный Киёсэ Итиро и Киси Нобусукэ и поддержанный правыми группировками. Прием оказался исключительно радушным и был насыщен многочисленными мероприятиями. В рамках визита гость провел серию публичных выступлений, встретился с семьями военных преступников и рядом консервативных политиков, в том числе Кая Окинори. Также Р. Пал был удостоен государственного Ордена священного сокровища I степени [Nakazato 2016, p. 144—146].

Таким образом, в период с 1960 по 1985 г. наблюдался качественный сдвиг в сторону открытого неприятия японскими правыми группами Токийского трибунала. С одной стороны, критика трибунала не пользовалась большой общественной поддержкой в силу поколенческого разрыва, вынудившего лидеров правых организаций более тщательно и активно артикулировать исторические нарративы и символы, с другой — в пользу этого работал рост национальной гордости японцев на фоне экономических успехов страны. Наконец, данный процесс происходил на фоне распространения культа *эйрэй* — погибших героев войны, который был ритуализирован в храме Ясукуни.

Культ *эйрэй*, который имел большое идеологическое значение для правых сил — как для *идзоку*, так и для синтоистов, стал основой для их идейно-политической консолидации. Во многом именно культ Ясукуни стал основным носителем исторических нарративов, направленных на подрыв легитимности Токийского трибунала. Важно отметить, что данные нарративы представляли не в «текстовой», а в перформативной форме [Nelson 2003]. Проявляясь как ритуальная практика, культ *эйрэй* в первые послевоенные десятилетия стал носителем исторических представлений, противоречащих Токийскому процессу и оккупационным реформам, притом что группы, поддерживающие этот культ, могли не критиковать трибунал напрямую. Кульминации данный процесс достиг с внесением в храмовые списки Ясукуни военных преступников класса «А». Одновременно МВТДВ стал подвергаться все более открытой критике.

Символической точкой, завершающий период, стал 1985 г., ознаменовавшийся выходом проблемы Ясукуни на международный уровень, когда официальный визит в храм Я. Накасонэ 15 августа привел не только к внутренним протестам, но и к дипломатическому скандалу. Незадолго до этого на форуме ЛДП в Каруидзава 27 июля Накасонэ подверг критике Токийский трибунал, который, по его мнению, «распространил самоуничижительное убеждение, что во всем виновата Япония» [He 2009, p. 209].

Политика памяти с 1985 г. по настоящее время: открытые ревизионистские позиции правых групп

В конце 1980-х и особенно в 1990-е гг. на авансцену политики памяти в Японии вышла открытая критика Токийского трибунала. Одновременно на данный период пришелся резкий рост поляризации между консерваторами и прогрессистскими силами, вступавшими с требованиями о том, чтобы Япония переняла «немецкую модель покаяния» за военные преступления. Смерть императора в 1989 г. послужила одним из спусковых крючков острых публичных споров. Похороны Хирохито и интронизация нового императора Акихито стали для консерваторов, и в первую очередь для Ассоциации синтоистских храмов, уникальной возможностью утвердить свою корневую идею — о преемственности с довоенным временем, об основополагающем положении императорской системы для японской государственности и о возрождении государственных синтоистских ритуалов. Члены ассоциации с особой пышностью воспроизводили церемонии в соответствии с нормативами эпохи Мэйдзи, призванные подтвердить актуальность вековых традиций, и утверждали, что «всеобщая скорбь» по императору демонстрирует единство японского народа и роль синто как его культурной основы [Dian 2017, p. 83]. Японцы, однако, были далеки от единства: смерть Хирохито сломала «хризантемовое табу» — негласный запрет на обсуждение ответственности покойного императора за военные преступления. Многие прогрессистские организации и интеллектуалы стали рассматривать его фигуру не только как анахронизм, но и как источник «японского фашизма» [Dian 2017, p. 84].

Одновременно произошел поворот в официальной исторической политике Токио. Давление западных стран¹, международных² и транснациональных общественных³ организаций, а также экономические интересы сотрудничества с Китаем и Южной Кореей, обусловили попытки сначала умеренных консерваторов из ЛДП, а затем коалиционных кабинетов внести коррективы в официальную риторику. В течение нескольких лет Токио неоднократно приносил извинения — от лица как императора Акихито, так и ряда премьер-министров. Можно отметить заявление Ё. Коно 1993 г., который признал участие японских военных властей в насильственной мобилизации «женщин для утешения» для нужд японской императорской армии⁴, а также заявление премьер-министра от СПЯ Т. Мураяма 15 августа 1995 г., выразившего глубокое раскаяние за колониальное правление и агрессию⁵.

¹ К примеру, критика со стороны Конгресса США: H.Res.121 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bills/110th-congress/house-resolution/121/text> (дата обращения: 10.05.2024).

² Критика со стороны Комитета ООН по правам человека: 1996 UN Human Rights Report by Special Rapporteur Radhika Coomaraswamy // University of Minnesota. Human Rights Library. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/commission/country52/53-add1.htm> (дата обращения: 16.05.2025).

³ В первую очередь, женских правозащитных организаций: The Korean Council, Violence Against Women in War-Network Japan.

⁴ Statement by the Chief Cabinet Secretary. August 4, 1993. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page25e_000343.html (дата обращения: 16.05.2025).

⁵ Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama. August 15, 1995. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (дата обращения: 16.05.2025).

Правые силы отреагировали на данную тенденцию острой критикой. Вслед за заявлением 1993 г. премьер-министра М. Хосокава, характеризовавшим японскую политику на материке как «агрессию», *Идзокукай* приняла резолюцию о том, что война являлась «самообороной для защиты жизни и благосостояния государства и народа», а Ассоциация памяти о героях войны организовала кампанию протеста с аналогичными заявлениями в «*Санкэй симбун*» [Tanaka 1995, p. 79]. В 1994 г. в ответ на предложенный кабинетом Мураяма проект парламентской резолюции к предстоящей годовщине окончания войны, подтверждавшей «стремление к миру на основе уроков истории», *Идзокукай*, Ассоциация синтоистских храмов и ряд других организаций развернули ожесточенную кампанию, направленную против какого-либо выражения извинений, «односторонне обвиняющих» Японию, так как они оскверняют честь павших героев войны и подрывают национальную гордость молодежи [Mukaе 1996, p. 1020]. К кампании были привлечены представители бизнес-кругов и часть парламентариев ЛДП. Член нижней палаты парламента от ЛДП и официальный представитель кампании Окуно Сэйсукэ, помимо всего прочего, утверждал, что война была способом защитить себя и освободить Азию от западного колониализма [Mukaе 1996, p. 1015]. Принятая в итоге парламентская резолюция была существенно смягчена и содержала крайне сдержанные формулировки.

В целом либеральный поворот 1989—1995 гг. обусловил новую консолидацию правоконсервативных сил — на этот раз вокруг идей, уже открыто направленных против трактовки войны, зафиксированной Токийским процессом. Одновременно во второй половине 1990-х гг. начали активно появляться новые влиятельные консервативные группы, более дерзко отстаивающие ревизионистские нарративы.

Одной из таких организаций стало Общество создания нового учебника истории (*Атарасий рэкиси кё:касё о цукурукай*, далее *Цукурукай*), основанное в 1996 г. консервативными учеными и активистами во главе с Фудзиока Нобукацу и Нисино Кандзи. Его целью стала борьба с т. н. мазохистским видением истории, или «взглядом на историю с позиции Токийского трибунала», а также создание в данной связи нового учебника истории [Nakazato 2016, p. 165]. В своей первой программной публикации авторы критиковали существующее историческое образование, которое уделяет слишком много внимания прошедшей войне и рассматривает ее с позиций обвинения, представленного Токийским трибуналом [Saaler 2005, p. 41].

К 2000 г. *Цукурукай* был подготовлен «Новый учебник истории» (Атарасий рэкиси кё:касё), отстаивающий альтернативный нарратив. Он представляет японцев как народ, поддерживающий с доисторических времен непрерывную культурную традицию, в центре которой стоит император; экспансию на материк в 1930-е — 1940-е гг. рассматривает как оборону против проникновения в Восточную Азию стран Запада; целью «Великой восточноазиатской войны» называет освобождение азиатских народов от белого колониализма. При этом политика японского колониализма, сопротивление оккупированных народов, а также совершенные японской армией военные преступления игнорируются [Saaler 2005, p. 52]. В части, посвященной Токийскому трибуналу, доминирует

описание рассмотренного выше особого мнения судьи Р. Пала и других аргументов, призванных доказать незаконность и проблемность процесса [Bukh 2007, p. 639]. Учебник был одобрен Министерством образования в 2001 г. После этого он начал использоваться в ряде государственных и частных школ и несколько раз переиздавался¹. К 2005 г. на данный учебник приходилось около 0,5 % всех учебников истории, используемых в школах Японии². К 2021 г. данный показатель составлял 1,1 %, а в 2025 г. опять снизился до 0,5 %. По данным на 2025 г. учебник был одобрен в 3 префектурах (Мияги, Сайтама и Ямагути) и 4 муниципалитетах для соответствующих школ³. Хотя в итоге он был принят лишь ограниченным количеством учебных организаций, деятельность *Цукурукай* вызвала большой общественный резонанс.

Цукурукай проявил себя в качестве влиятельной группы давления, имеющей связи с политическими кругами страны. Всего через несколько месяцев после основания ее численность достигала 7 тыс. человек, включая крупнейших бизнесменов, политиков, чиновников, профессоров и писателей. Так, в нее входил Матимура Нобутака, занимавший в разное время посты министра образования и иностранных дел. Помимо всего прочего, *Цукурукай* занимался производством исторических фильмов и манга, а также организовал параллельную группу, лоббировавшую принятие нового закона об образовании [Nakazato 2016, p. 165—166].

В этот же период активизируются усилия храма Ясукуни по делегитимизации Токийского трибунала. С этой целью активно используется образ Р. Пала. В кооперации с группой консервативных бизнесменов *До:дай кэйдзай конвакай* в 1997 г. на территории синтоистского храма *Гококу дзиндзя* в Киото, а в 2005 г. — и в самом святилище Ясукуни был установлен мемориал в честь индийского судьи, содержащий описание его заслуг и заключительную фразу его особого решения [Nakazato 2016, p. 172]. В 2002 г. на территории храма открылся обновленный музей Юсюкан, упраздненный еще при оккупации. Экспозиция музея отражает основные постулаты ревизионистского понимания довоенной истории Японии, включая такую интерпретацию войн, которые вела Япония, в соответствии с которой она вела самооборону и преследовала цель освобождения Азии от западного колониализма. В экспозиции содержится чествование воинов, отдавших жизнь в «справедливой войне» за «императора, нацию и свои семьи», и де-факто отрицаются совершенные императорской армией военные преступления [Saaler

¹ 「つくる会」の歩み [История Цукурукай] // 新しい歴史教科書をつくる会 [Общество создания нового учебника истории]. URL: <https://tsukurukai.com/aboutus/ayumi.html> (дата обращения: 06.06.2025).

² 「つくる会」教科書 採択率 0.5% [Уровень внедрения учебников «Цукурукай»: 0,5 %] // しんぶん赤旗 [Симбун Акахата]. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik4/2005-08-20/2005082014_01_2.html (дата обращения: 06.06.2025).

³ 今年度から育鵬社歴史教科書採択した都道府県立学校は4県、公民教科書採択は2県のみ [С этого года учебники по истории «Икухося» приняты в четырех префектурах, а учебники по обществоведению — только в двух префектурах] // 日本共産党山口県議会議員藤本かずのり [Кадзунори Фудзимото, префектурное собрание Японской коммунистической партии в Ямагути]. URL: <https://ikki.wajcp.net/2025/05/04/071203#:~:text=%E4%BB%8A%E5%B9%B4%E5%BA%A6%E3%81%8B%E3%82%89%E4%B8%AD%E5%AD%A6%E6%A0%A1%E3%81%A7,%E4%BB%A5%E4%B8%8B%E3%81%AB%E3%81%AA%E3%82%8A%E3%81%BE%E3%81%97%E3%81%9F%E3%80%82> (дата обращения: 06.06.2025).

2005, р. 97—98]. В части экспозиции, посвященной Токийскому трибуналу, в основном экспонируются выдержки из особого мнения Р. Пала, а также из его речи, произнесенной во время визита 1952 г. в Японию, в которой он призывает отказаться от «ложного чувства вины». Также представлены экспонаты, связанные с казненными или совершившими самоубийство военными преступниками класса «А», и табличка, утверждающая, что Ясукуни рассматривает их как «мучеников» эпохи Сёва [Nakazato 2016, р. 177].

Еще одной влиятельной правой организацией, которая была основана в этот период стала Японская конференция (*Ниппон кайги*). Она была образована в 1997 г. в результате слияния Национальной конференции в защиту Японии (*Ниппон о мамору кокумин кайги*), состоявшей из правых интеллектуалов и бывших военных императорской армии, которые ранее выступали за принятие закона 1979 г. о японском летоисчислении, с Обществом защиты Японии (*Нихон о мамору кай*), включавшим правые религиозные организации. Важными фигурами в *Ниппон кайги* стали общественный активист Кабасима Юдзо, бизнесмен Цукамото Коити, юрист и бывший судья Верховного суда Японии Миёси Тору, политолог и общественный деятель Такубо Тадаэ. За относительно небольшой промежуток времени организация приобрела огромное влияние. К 2016 г. количество ее членов достигло 38 тыс. человек, среди которых было 280 парламентариев и 1700 членов местных собраний, а представительства имелись во всех префектурах [Hardacre 2021, р. 175]. В организацию входили или входят многие бывшие и действующие парламентарии и члены кабинета министров, в том числе премьеры С. Исиба, С. Абэ, Т. Асо, Ё. Суга и Ф. Кисида¹. Влияние организации осуществляется также через экспертизу, которую организация периодически проводит по поручению властей по специальным вопросам. Так, рабочая группа, назначенная правительством для обсуждения возможности отречения императора в 2016 г., на 37 % состояла из членов организации [Hardacre 2021, р. 185].

Ниппон кайги является примером организации так называемого нового гражданского активизма: она горизонтально организована и состоит из различных идеологических фракций, аффилированных с самыми разными организациями. По этой причине у *Ниппон кайги* отсутствует ярко выраженное центральное руководство, а также систематизированная идеология — она в основном работает совместно с «дружественными организациями» над конкретными вопросами широкой консервативной повестки [Ueda 2021, р. 128]. Так, имея налаженные связи с Ассоциацией синтоистских храмов, организация отстаивает центральное положение культа императора и синтоистских ритуалов для «традиционного японского духа», выступает за придание этим ритуалам государственного статуса, в том числе через их закрепление в конституции страны. Характерно пересечение членства двух организаций: так, Танака Цунэкиё являлся одновременно главой Ассоциации и вице-председателем *Ниппон кайги*. Такое сотрудничество позволяет Японской конференции получать финансирование от богатых свящи-

¹ Abe's reshuffle promotes right-wingers // Korea Joongang Daily. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2994558> (дата обращения: 16.05.2025).

лиц и мобилизовывать людей через местные храмы для проведения массовых кампаний [Hardacre 2021, p. 177, 185].

Кроме того, *Nippon kaiji* в тесном сотрудничестве с Ассоциацией памяти о героях войны занимается лоббированием практики посещения храма Ясукуни высокопоставленными чиновниками и министрами. Близкие связи организация имеет и с самим храмом Ясукуни и *гококу дзиндзя*, организуя совместные мероприятия в память о погибших героях войны, публичные лекции и общественные кампании во время фестивалей и по случаю Дня окончания войны, который отмечается 15 августа [Hardacre 2021, p. 186]. *Nippon kaiji* также активно сотрудничает с *Цукурукай* по вопросу продвижения учебников истории, «воспитывающих патриотизм», а совместно с другой организацией правого толка она занимается лоббированием пересмотра Закона об образовании в духе Императорского рескрипта об образовании 1890 г. [Ueda 2021, p. 128; Hardacre 2021, p. 178]. Имеет место также пересечение участников организаций: так, видным членом *Nippon kaiji* является Такахаси Сиро, бывший вице-председатель *Цукурукай* [Hardacre 2021, p. 179]. По проблеме оценки Токийского процесса Японская конференция соответственно отстаивает ревизионистский нарратив, утверждая, что трибунал не был легитимен, что военные преступления, в том числе Нанкинская резня, либо сильно преувеличены, либо полностью сфабрикованы, а освобождение Азии от западного колониализма ставится в заслугу Японии [Chanlett-Avery et al. 2015, p. 7].

Однако главной целью, на которую *Nippon kaiji* направляет основные усилия, является проведение конституционной реформы. В 1993 г. (пересмотрен в 2001 г.) организация издала документ «Основы новой Конституции», включивший предложения вернуть статус императора как главы государства и конституционно закрепить перечень его ритуальных обязанностей, а также вместо 9-й статьи прописать создание «национальной армии» под командованием премьер-министра и добавить «защиту страны» в список обязанностей граждан¹. Не считая публичных заявлений и лекций, по данному вопросу организация совокупно выпустила более 20 книг, брошюр и DVD-дисков, а также собрала более 10 млн подписей в пользу пересмотра конституции [Hardacre 2021, p. 178, 185]. Характерной чертой японской политики памяти с 2010-х гг. является отход от первоочередного внимания к проблематике Токийского трибунала и концентрация усилий на конституционном вопросе. Особенное звучание данный вопрос получил на фоне дискуссий о принятой кабинетом Абэ в 2015 г. новой интерпретации запрета на обладание вооруженными силами, которая вызвала масштабные протесты, собравшие на улицах более 120 тыс. человек².

После 2000-х гг. наблюдается падение влияния *Идзокукай*, связанное со старением и уходом из жизни ее основы — вдов и детей погибших военных. В 2019 г. председатель *Идзокукай* Мидзуоти Тосиэй, вспоминая, что в 1980 г. организация

¹ 日本国議の「新憲法の大綱」について // Nippon Kaigi. URL: <https://www.nipponkaigi.org/opinion/archives/8502> (дата обращения: 25.08.2025).

² Huge protest in Tokyo rails against PM Abe's security bills // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN0QZ0C2/> (дата обращения: 16.05.2025).

смогла мобилизовать в пользу правящей партии на выборах 930 тыс. голосов, отмечал, что сейчас она может не собрать и 100 тыс. [Pletnia 2020, p. 11]. Одним из последних серьезных достижений организации стало открытие в 2001 г. музея *Сёвакан*, которого она с 1980-х гг. добивалась, рассматривая музей в качестве «Мемориального центра погибших героев войны». В конечном счете, однако, из экспозиции были исключены провокационные интерпретации войны, что свидетельствовало о падении влияния *Идокукай*. В итоге музей ограничился лишь демонстрацией предметов обихода 1935—1955 гг., призванных напомнить о материальных трудностях тех десятилетий. За такую осторожную позицию музей даже подвергся критике со стороны правых сил [Seraphim 2006, p. 301]. Ярким свидетельством утраты авторитета *Идокукай* стало и то, что организация не смогла пролоббировать возобновление визитов премьер-министра в храм Ясукуни, последний из которых состоялся в декабре 2013 г. В 2018 и 2019 гг. организация направляла С. Абэ приглашения посетить храм, однако они остались без ответа [Pletnia 2020, p. 11].

Таким образом, в период с 1985 г. в тех аспектах политики памяти, которые касаются темы Токийского процесса, произошли значимые трансформации. В конце 1980-х и в 1990-е гг. среди основных правоконсервативных групп распространяются нарративы, содержащие открытую критику трибунала. В ответ на либеральный поворот начала 1990-х гг. в 1995—2005 гг. происходит консолидация старых традиционалистских организаций — *Идокукай*, Ассоциации памяти о героях войны, Ассоциации синтоистских храмов и храма Ясукуни, — и одновременно появляются новые влиятельные структуры — *Цукурукай* и *Ниппон кайги*. Начинается активная борьба со «взглядом на историю с позиции Токийского трибунала» и предлагается альтернативный нарратив, включающий мнение судьи Р. Пала о нелегитимности суда, представление войны «самообороной» или «миссией по освобождению Азии», преуменьшение или отрицание военных преступлений.

Одновременно в 2010-е гг. происходит смещение фокуса усилий консерваторов: вопрос о Токийском трибунале отходит на второй план. С одной стороны, в силу старения своих членов *Идокукай* постепенно теряет политическое влияние. С другой стороны, для *Ниппон кайги* в рамках ревизионистской повестки вопрос о пересмотре конституции оказывается более приоритетным, чем вопрос оценки трибунала. Важно отметить, однако, что данный вопрос не уходит с повестки: как старыми, так и новыми правоконсервативными организациями все еще активно отстаивается представление о нелегитимности Токийского трибунала.

Заключение

Настоящее исследование позволяет проследить эволюцию роли и места Токийского трибунала в нарративах о прошлом, продвигаемых правоконсервативными негосударственными организациями Японии, а также влияние этого аспекта исторической памяти на общественно-политический дискурс страны. В период с 1945 по 1960 г. в деятельности Ассоциации синтоистских храмов и

Идзокукай, выступавших в качестве «групп давления», преобладали социальные интересы: возобновление пенсионного обеспечения и государственной поддержки ветеранов войны, возрождение культа погибших героев войны (*эйрэй*) и официальных синтоистских ритуалов. Влияние данных групп было основано на их массовости и политических связях. В их идеологии проявлялась «коммуникативная память» о войне, которая де-факто отрицала важные антивоенные постулаты оккупационных реформ и Токийского процесса, при том, однако, что прямой критики последних они старались избегать.

В течении следующего периода, продолжавшегося с 1960 по 1985 гг., в деятельности правых групп наблюдался постепенный переход к открытой критике Токийского трибунала. Важную роль в этом процессе сыграл культ погибших героев *эйрэй*, вокруг которого сплотились консервативные группы. Поскольку этот культ выражался через ритуалы, а не открытый текст, он позволил сохранить исторические нарративы, которые противоречили Токийскому процессу, не прибегая к прямой критике последнего. Важным мотивирующим фактором в деятельности указанных групп было осознание необходимости артикулировать исторический нарратив для передачи следующему поколению. Важно и то, что эта деятельность осуществлялась на фоне общего роста национальной гордости японцев, связанной с экономическими успехами и желанием поскорее «перевернуть страницу» истории периода послевоенного восстановления, в котором преобладало критическое отношение к собственному милитаристскому прошлому.

В конце 1980-х и в 1990-е гг. нарративы, направленные против трибунала, стали, наконец, открыто распространяться среди основных правых групп. Одновременно в ответ на происшедший в начале 1990-х гг. «либеральный поворот» в позиции официального Токио по отношению к милитаристскому прошлому и радикализацию позиций прогрессистов, старые и новые правые организации (среди которых выделялись *Цукурукай* и *Ниппон кайги*) консолидируются по вопросам борьбы со «взглядом на историю с позиции Токийского трибунала». К 2010-м гг. фокус усилий ревизионистов смещается на вопросы пересмотра конституции, в первую очередь, ее антивоенных статей. Хотя проблема оценки Токийского трибунала остается важной в консервативной повестке, в последние годы она постепенно утрачивает свою актуальность для правых организаций в силу старения членов некогда могущественной *Идзокукай*, а также смещения приоритетов в деятельности *Ниппон кайги*.

Библиографический список

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры. 2004.

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор История. 2018.

References

Assman, Ya. (2004). Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).

Malinova, O. Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [Memory Politics as an Area of Symbolic Politics]. In Miller, A.I., Efremenko, D.V. (eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying Memory Policy] (pp. 27—53). Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

* * *

Barshay, A. (1998). Postwar Social and Political Thought, 1945—90. In Wakabayashi, B.T. (ed.), *Modern Japanese Thought* (pp. 273—356). Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Bukh, A. (2007). Japan's History Textbooks Debate: National Identity in Narratives of Victimhood and Victimization. *Asian Survey*, 47 (5), 683—704.

Chanlett-Avery, E., Manyin, M., Rinehart, I., Nelson, R., Williams, B. (2015). CRS Report. Japan-U.S. Relations: Issues for Congress. September 29. *Congressional Research Service*. Retrieved May 16, 2025, from URL: <https://web.archive.org/web/20160304061604/http://fas.org:8080/sgp/crs/row/RL33436.pdf>

Creemers, W. (1968). *Shrine Shinto after World War II*. Leiden: E.J. Brill.

Dian, M. (2017). *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Oxford: Elsevier.

Glossary. Birth of the Constitution. *National Diet Library*. Retrieved May 16, 2025, from URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/glossary.html#:~:text=This%20was%20a%20directive%20issued,government%20had%20been%20systematically%20controlling>

Hardacre, H. (1989). *Shintō and the State, 1868—1988*. Princeton: Princeton University Press.

Hardacre, H. (2021). Nippon Kaigi Working for Constitutional Revision. In Hardacre, H., et al. (eds.), *Japanese Constitutional Revisionism and Civic Activism* (pp. 175—192). Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.

He, Y. (2009). *The search for reconciliation: Sino-Japanese and German-polish relations since World War II*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Igarashi, Y. (2000). *Bodies of Memory: Narratives of War in Postwar Japanese Culture, 1945—1970*. Princeton: Princeton University Press.

Jinja Honchō // Encyclopedia of Shinto. Retrieved May 16, 2025, from URL: <https://web.archive.org/web/20210226043217/http://eos.kokugakuin.ac.jp/modules/xwords/entry.php?entryID=1106>

Kitagawa, K. (2000). *Sengo no shuppatsu: bunka undō seinendan sensō mibōjin* [Starting Postwar: Cultural Movements, Youth Groups, and War Widows]. Tokyo: Aoki Shoten. (In Japanese).

Mukae, R. (1996). Japan's Diet Resolution on World War Two: Keeping History at Bay. *Asian Survey*, 36 (10), 1011—1030.

Nakazato, N. (2016). *Neonationalist Mythology in Postwar Japan: Pal's Dissenting Judgment at the Tokyo War Crimes Tribunal*. New York and London: Lexington Books.

Nelson, J. (2003). Social Memory as Ritual Practice: Commemorating Spirits of the Military Dead at Yasukuni Shinto Shrine. *The Journal of Asian Studies*, 62 (2), 443—467.

Nihon Izokukai. (Ed.). (1962). *Nihon Izokukai Jūgonenshi*. Tokyo: Nihon Izokukai Jimukyoku. (In Japanese).

Nihon Izokukai. (Ed.). (1963). *Ishizue: Senbotsusha Izoku no Taiken Kiroku* [Cornerstone: A Record of the Experience of Families of the War-Dead]. Tokyo: Nihon Hōsō Kyōkai. (In Japanese).

Pempel, T. (1989). Prerequisites for Democracy: Political and Social Institutions. In Ishida and Krauss (eds.), *Democracy in Japan* (pp. 17—37).

Pletnia, M. (2020). Internal pressure — Japan War-Bereaved Families Association and Its Influence on Japanese Politics of Memory. *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*, 20 (3), 1—16.

Powles, C. (1976). Yasukuni Jinja Hōan: Religion and Politics in Contemporary Japan. *Pacific Affairs*, 49 (3), 491—505.

Saaler, S. (2005). *Politics, Memory and Public Opinion: The History Textbook Controversy and Japanese Society*. Munchen: Iudicium Verlag.

Seraphim, F. (2006). *War Memory and Social Politics in Japan, 1945—2005*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tanaka, N., et al. (1995). *Izoku to sengo* [War Bereaved Families and the Postwar]. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Teeuwen, M. (1996). Jinja Honcho and Shrine Shinto policy. *Japan Forum*, 8 (2), 177—188.

Tōkyō saiban kenkyūkai [The Tokyo Trial Research Group]. (Eds.). (1984). *Kyōdō kenkyū: Paru hanketsusho* [Collaborative research: The Pal judgment], 2 vols. Tokyo: Kōdansha gakujutsu bunko. (In Japanese).

Ueda, M. (2021). New Civic Activism and Constitutional Discussion: Streets, Shrines and Cyberspace. In Hardacre, H., et al. (eds.), *Japanese Constitutional Revisionism and Civic Activism* (pp. 123—140). Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.

Поступила в редакцию: 16.05.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 16 May 2025

Accepted: 21 July 2025